

Наташа КРОФТС родилась в 1976 году в Херсоне. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Публикации в журналах «Нева», «Юность», «Работница», «Новый Журнал», «Интерпоэзия», «Новый берег», в «Литературной газете» и многих других изданиях. Английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живёт в Австралии.

ВТОРОЙ КОВЧЕГ

По паре — каждой твари. А мою,
мою-то пару — да к другому Ною
погнали на ковчег. И я здесь ною,
визжу, да вою, да крылами бью...
Ведь как же так?! Смотрите — всех по паре,
милуются вокруг другие твари,
а я гляжу — нелепо, как в кошмаре —
на пристани, у пирса, на краю
стоит она. Одна. И пароход
штурмует разномастнейший народ —
вокруг толпятся звери, птицы, люди.
...Мы верили, что выживем, что будем
бродить в лугах, не знающих косы,
гулять у моря, что родится сын...
Но вот меня — сюда, её — туда.
Потоп. Спасайтесь, звери, — кто как может.
Вода. Кругом вода. И сушу гложет
с ума сошедший ливень. Мы — орда,
бегущая, дрожащая и злая.

Я ничего не слышу из-за лая,
 мычанья, рёва, ора, стопа, воя...
 Я вижу обезумевшего Ноя —
 он рвёт швартовы: прочь, скорее прочь!
 Второй ковчег заглатывает ночь,
 и выживем ли, встретимся когда-то?
 Я ей кричу — но жуткие раскаты
 чудовищного грома глушат звук.
 Она не слышит. Я её зову —
 не слышит. Я зову — она не слышит!
 А воды поднимаются всё выше...
 Надежды голос тонок. Слишком тонок.
 И волны почерневшие со стоном
 накрыли и Олимп, и Геликон...

На палубе, свернувшись, как котёнок,
 дрожит дракон. Потерянный дракон.

* * *

Я — жёлтый листик на груди твоей.
 Меня на миг к тебе прибило ветром.
 Вот и конец. И не найти ответа,
 зачем в тиши изнеженного лета
 поднялся ветер и, сорвав с ветвей,
 мне дал на миг прильнуть к груди твоей.

* * *

Лучше жить вообще без надежды,
 чем с надеждой, умирающей каждый день.
 Край одежды
 зацепился за имя твоё, за тень
 наших разговоров, за белую стаю
 наших писем.
 Не пускает.
 Стаю

сдам на подушки —
на пух.
Жалко её, конечно,
только — одно из двух:
или она меня заключет —
или —
я её, влёт.
Чтобы выжить.

Железный свист.
...письма лежат в крови,
в слое небесной пыли.

* * *

Остатки снега с черепичных крыш
прозрачным языком февраль слизал.
Флоренция. Туман. Из тёмных ниш
на нас глядят белёдые глаза.
Насмешливо: для них давно не нов
наш юный мир из разноцветных снов,
из первых путешествий — Рим-Париж,
из твёрдой веры в истинность афиш —
прекрасный вид,
открыточный закат...
из первой, безболезненной любви —
наверное, последней.
А пока
в своей беспечной, эфемерной вере
над Арно мы с тобою кофе пьем,
в постылой нише бледный Алигьери
вздохнёт — и с грустью вспомнит о своём.

* * *

Я уже не пойду за тобой.
Пахнет дымом. Морозно.

Повторяет уставший прибор:
«слишком поздно».

Паутина, незримая нить
обрывается — медленно, странно,
словно нехотя. Грусть хоронить
слишком рано.

АВСТРАЛИЯ

Мы уплываем — словно шаткий плот,
чуть не слетевший вниз, в земную полость,
когда планета ринулась вперёд —
и древняя Пангея раскололась.
И мы — на ней. Пришельцы. Чужаки.
Колёсами цепляемся за камни
меж бесконечным морем и песками
и чувствуем — на нас глядят веками
чужих теней тяжёлые зрачки.
Живём в плену. Пустыня и вода.
Звоним глухим, усталым абонентам...

Мне страшно оставаться навсегда
в смирительной рубашке континента.

ОСКОЛКИ

Разбиваются — опять — на куски
все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виски
и болтает — на чужом языке.

Поднимаю я осколки с земли —
может, склею — зажимаю в кулак.
Но мечты уже — в дорожной пыли:
и не там я — и не с тем — и не так...

Только вишенкой на рваных краях —
на кусочках — тёмно-красным блестит
капля крови — от мечты остря, —
от осколка, что сжимаю в горсти.

МОЯ ОДИССЕЯ

Рассеян по миру, по морю рассеян
мой путанный призрачный след.
И длится, и длится моя Одиссея
уж многое множество лет.

Ну что, Одиссей, поплывём на Итаку —
на север, на запад, на юг?
Мой друг, нам с тобою не в новость — не так ли? —
за кругом наматывать круг

и загодя знать, что по волнам рассеян
наш жизненный путанный путь...
Слукавил поэт — и домой Одиссея
уже никогда не вернуть.

* * *

Мне не уйти из психбольницы.
Ты в ней — и вот она в тебе —
клокочет, рвётся на страницы
и шарит лапой по судьбе,
куда б тебя ни заносило —
в край небоскрёбов или скал —
ты возле солнечной Мессины
увидишь бешеный оскал
чудовищ — нет, не тех, из книжек —
своих, придуманных тоской,
толпой, тебя несущей ближе к
безумью дней, к огням Тверской.
И будто всё отлично с виду:

умыт и трезв, идёшь в театр —
 но чувствуешь: с тобой в корриду
 весь день играет психиатр.
 Или в музеях строгой Вены
 бредёшь меж статуй героинь —
 а врач решит — и резко в вены
 введёт любовь, как героин.

Спокойней — в домике с охраной,
 решёткой, каменной стеной,
 где мне зализывают раны —
 чтоб не осталось ни одной,
 где нет ни долга, ни заботы,
 ни вин, ни бед... Халат надеть
 и от субботы до субботы
 на подоконнике сидеть
 и издали смотреть на лица
 толпы, на улицу в огне.
 А рядом Гоголь отразится
 в забитом намертво окне.

ARS POETICA

Я ослеп. Измучился. Продрог.
 Я кричу из этой затхлой бездны.
 Господи, я тоже чей-то бог,
 заплутавший, плачущий, небесный.

Вот бумага. Стол. Перо и рок.
 Я (больной, седой и неизвестный).
 Но умру — и дайте только срок,
 дайте строк — и я ещё воскресну.

* * *

*На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки.
Ю. Левитанский*

На развалинах Трои лежу в ожиданье последней атаки.
Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо. И только завыли собаки
да газетный листок на просохшем ветру прошуршал.
Может — «Таймс», может — «Правда». Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа. А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды за нас подытожит,
всё запишет, поймёт — и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу. За себя. За атаку на Трою.
За потомков моих — тех, что Трою когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
что возьмут на себя этот страшный, чудовищный грех —
и пошлют умирать — нас. И вас... Как курёнка — на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь — я не знаю кому — о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды, действительно, стала последней.

* * *

Вслепую, наощупь,
судьбу подбираем по слуху,
научно трактуем причуды
планид и планет.
Подводим итоги.
Как взрослые — твёрдо и сухо.
По-детски надеясь на чудо.
Которого нет.

ТАВРИИ, ЗЕМЛЕ ХЕРСОНА И ХЕРСОНЕСА

Черноморские дали.
 Дикий храп кобылиц.
 Звон отточенной стали.
 Кровь.
 Я падаю ниц.
 И на тунике белой —
 тёмно-липкий узор.
 Принимай моё тело,
 Херсонесский простор.
 Белокаменный град мой,
 смесь народов и вер,
 я вернусь. Я обратно
 обязательно вер...

Полонянок уводят
 босиком по стерне
 на чужбину, в неволю.
 Крики.
 Топот коней.
 Уж и ноги ослабли,
 не шагнуть мне, хоть вой.
 Янычарские сабли —
 над моей головой.
 Я крещусь троекратно.
 Добивай, изувер...
 Я вернусь. Я обратно
 обязательно вер...

Вот и всё. Докурили.
 Чай допили. Пора.
 Расставания, мили...
 Может, это — игра?
 Полсудьбы — на перроне.
 Путь веревочкой свит.

И — без всяких ироний:
«Приезжай». — «Доживи».
О, измученный град мой,
смесь народов и вер,
я вернусь. Я обратно
обязательно в-е-р...

* * *

Отключить телефон, оборвать пуповину шнура
интернета,
и понять: ты один. Ты один. Остальное — игра
тьмы и света.
Ты — в забытом лесу, и от страха плетёшь
небылицы.
Сквозь предсмертную дрожь
ты твердишь себе ложь —
в ожиданье тепла,
перелома,
чудес...
или просто — когда ж этот лес
прекратится.

* * *

Зажмурится ветер — шагнёт со скалы.
Спокоен и светел тяжёлый наплыв
предсмертного вала — он манит суда
на дно океана. Седая вода
врывается в трюмы, где сгрудились мы:
звереем — от запаха смерти и тьмы,
безумствуем, ищем причины...

Кричим: «Это риф — или мысль — или мыс —
бездушность богов — нет, предательство крыс...»
И крики глотает пучина.

Я ринусь на палубу, в свежесть грозы.
 Пора мне.
 Монетку кладу под язык —
 бросаю ненужные ножны.

И плавно — сквозь ночь, как седая сова —
 взлетаю с галеры — туда, где слова
 понятны ещё —
 но уже невозможны.

* * *

Ты, конечно, забудешь и странное это безумье,
 непонятный, неожиданный, смешной урагановый бред.
 Ты вернёшься в тот мир, где до слёз надрывается зуммер
 в телефоне пустом. И где найден удобный ответ

на вопросы зачем, по каким неизвестным спиральям
 нас несло через дни — чтоб, столкнувшись у края земли,
 мы друг друга с тобой беззастенчиво, бешено крали
 у стреноженных дней. И над нами шумел эвкалипт,

удивляясь неистовой страсти двуногих растений,
 что пришли в этот лес — и расстаться почти не смогли.
 Ты забудешь, любимый. И только останутся тени.
 Две счастливые тени — у самого края земли.

* * *

В любой из масок — или кож —
 ты неизменно безупречна:
 спектакль хорош!
 Но вдруг замрешь,
 неожиданно понятая встречным,
 как беспристрастным понятым —
 до глубины, без слов и фальши
 дрожащих губ, до немоты...

Скорей к нему? Но немо ты
шагнешь назад — как можно дальше от беззащит-
ной наготы,
когда — во всем, конечно, прав —
твой гость, не вытирая ноги,
придет, чтоб разбирать твой нрав,
твои пороки и пороги.
Как театральный критик — строг,
внимателен и беспощаден
он составляет каталог
в тебе живущих ведьм и гадин.
Он справедлив. Отточен слог.
Ему неведомы пристрастье
и сострадательный залог —
залог любви и сопричастья.
И ты закроешь двери, чтоб
свой собственный спектакль — без судей,
без соглядатаев, без толп
смотреть:
как голову на блюде
несут, и, бешено кружа,
в слезах танцует Саломея,
как капли падают с ножа,
как Ева искушает Змея,
как Брут хрипит от боли в такт
ударам, завернувшись в тогу...

А критик видел первый акт.
Не более. И слава Богу.

